

О ФРОЛОВЕ С. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ФРОЛОВ Сергей Александрович, родился в 1900. Получил среднее образование, с 1917 — работал смазчиком, кочегаром, помощником машиниста, в 1919 — мобилизован в армию Колчака, через две недели ранен, бежал, добровольцем воевал в Красной армии. С 1922 — после демобилизации работал стрелочником. В 1930 — окончил техникум в Киеве. С 1931 — проживал в Ельце, работал инженером на Юго-Восточной железной дороге. Женат, в семье — сын Николай и дочь Екатерина. 27 декабря 1930 — арестован по групповому делу, 8 августа 1931 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Мариинские лагеря.

В марте 1932 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена Е. Макаренко.

<26 марта 1932>

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Пишу это письмо с глубокой надеждою, что оно попадет Вам в руки, и Вы отзоветесь на него. Я была в Москве, но к Вам, не могла попасть, столько было народу, пришлось уехать из Москвы.

Я жена осужденного по 58-7 ст<атье> инженера Фролова, работавшего на Юго-Вост<очной> ж<елезной> д<ороге>. Муж мой и я только в 1930 г<оду> окончили Киевский техникум эксплуатации жел<езных> дор<ог> и получили звание инженера эксплуатации, учились мы на стипендию по 25 р<ублей>, т<ак> к<ак> муж до учебы был с 1917 г<ода> кочегаром, пом<ощником> машиниста и стрелочником, а я конторщицей. В Вузе познакомились, поженились, на 3 курсе родился сын, мы прилагали все силы, чтобы мне не бросить учиться, родных в Киеве у нас не было, мы поочередно ходили на лекции и нянчили сына, а ночью занимались, думали, только как бы окончить, так как было очень тяжело, много раз казалось, что лучше бросить. Наконец, мы кончили и кончили из лучших. Во время стажа у меня родилась еще дочурка, не хотелось делать аборт, думала, что двоих детишек лучше растить, один ребенок всегда вырастет эгоист и неполноценный человек. Наконец, в марте 1931 г<ода> мы были назначены в Елец Ю<жно>-В<осточной> ж<елезной> д<ороги>. Муж инженером для тех. занятий, а я техником, пока кормила дочь. Сразу сделали глупость, взяли прислугу к детям, иначе было сделать нельзя, я хотела работать, детских учреждений не было, город и лавки, базар в 3 км. от станции, муж зарабатывал 225 р<ублей>, я 133 р<убля>. Сразу создалось недоброжелательное отношение, зависть, кроме нас первое время специалистов не было там, и потому местные старожилы, старые практики встретили нас очень недружелюбно, им казалось обидным, что мы сразу получаем должности инженера, а они, начинавшие с телеграфиста, так долго тянувшиеся, могут остаться позади. Когда мы, вузовцы-железнодорожники пошли учиться на стаже, нам часто говорят в глаза, "учить вас, чтобы потом нас съели". Так было и тут. Мы были очень неопытны и очень доверчивы и за это наказаны.

Мужу дали составить график движения поездов на осень и зиму 1930 года. Чтобы составить график, надо знать участок, особенности его работы, его слабые стороны, муж только что приехал на Юго-Вост<очную> ж<елезную> д<орогу>, условий работы не знал, ему дала задание Дирекция на составление графика, установки же ему давал старший диспетчер Коренев, который наблюдал за работою в смысле соблюдения местных условий работы. Обычно график составляет диспетчер, но тут заявили: "Раз есть инженер, пусть делает график".

Муж сделал график, после чего был переведен на работу в Моб<илизационный> отдел, дирекция Ю<го>-В<осточной> ж<елезной> д<ороги> график проверила и утвердила, по этому графику пропускная способность Валуйского участка увеличилась на 60% при намеченном увеличении грузооборота дороги на 33%. По инициативе мужа были дополнительно открыты разъезды и уложены лишние сравнительно с заданием поезда.

После утверждения графика Дирекцией муж был переведен в Моб<илизационный> отдел. Еще до начала осенних перевозок в Ельце наблюдалось постоянное невыполнение перевозок из-за плохого состояния паровозного парка. Паровозы перевели на мелкий антрацит, уголь был пополам с землей, это повлияло на состояние паровозов, которое все ухудшалось из-за плохого качества ремонта, недостатка запасных частей и т<ак> д<алее>.

С началом осени положение с паровозным парком стало катастрофическим. Из 22 паровозов, необходимых для обеспечения всех поездов в течение суток, в отдельные дни не подавалось 12 паровозов, а в среднем 8-9 паровозов, т<о> е<сть> от 45% до 60% не удовлетворялась потребность в паровозах. Это выбивало ежедневно поезда из графика.

Те же паровозы, которые выходили под поезда из депо, выходили неравномерно пачками, т<о> е<сть> готовый состав стоял 4-6 часов без паровоза, затем давали 2-3 паровоза на протяжении 2-3 часов и опять перерыв. Поэтому приходилось поезда пускать по мере поступления паровозов из депо. Далее, даже в тех случаях, когда паровоз выходил под поезд во время, на 50% случаев получалась такая картина: паровоз обещали большой мощности и под него готовили состав, давали же паровоз маломощный, приходилось переделывать уже готовый состав, поезд отклонялся от расписания. Ежедневно были случаи, когда выпущенный под поезд паровоз останавливался и не мог идти дальше уже на контрольном посту и шел обратно в депо, а состав стоял и переделывался под другой паровоз.

Даже прямой пассажирский поезд Москва-Мариуполь стоял по 4-6 часов в Ельце в ожидании еще ремонтировавшегося паровоза. Поэтому поезда не могли и не отправлялись из Ельца по графику. На перегонах в пути поезда стояли из-за порч паровозов часами, расстояние от Касторного до Ельца в 100 км поезд шел сутки. Все это делал уголь и плохой ремонт. Работа линии оказалась выше заданной, так как после крушения в Лисках через Валуйки <в> Елец был отклонен мощный грузопоток, шедший ранее на Лиски. Клиентура, упорно не грузившая летом, стала усиленно предъявлять грузы осенью, порожняка стало не хватать, его гнали наравне с курьерскими под уголь. Все это создало прорыв в Ельце. Муж мой с 18 августа был переведен в Моб<илизационный> отдел, никакого влияния на ход перевозок он оказать не мог, т<ак> к<ак> в оперативной работе не участвовал. Однако, когда стали выяснять причину прорыва, указали на мужа, как на виновника прорыва, а причиной прорыва выставили график, который не выполнялся и не мог выполняться в условиях такой вакханалии с паровозным парком. График был введен после перевода мужа, когда выяснилось, что размер движения больше заданного и подписанного Дирекцией. График было предложено переделать инженеру Донских, назначенному вместо мужа. Он тянул его с 1/X по 15/XII, но не переделал, в декабре его перевели в Воронеж, график предложили переделать назначенному вместо него инженеру Зайцеву, который просто сказал, что не может. В результате 27 декабря муж был арестован, а график продолжал действовать до конца апреля, 4 раза его переделывали, но лучшего сделать не могли, и когда с паровозами дело наладилось, поезда стали ходить по графику, за который

сидел мой муж и еще 4 человека. Двоих из них, а именно Иттенберга, который вместе с мужем делал этот график, и начальника Лейвина, который вводил график и при котором произошел прорыв, уже освободили, первому заменив приговор 5 лет концлагеря условным осуждением, второму — высылкой в распоряжение дирекции Ташкентской ж<елезной> д<ороги>. Муж же мой, вся вина которого заключалась в том, что он согласился делать график, а не потребовал, чтобы его сделал диспетчер, который свалил вину за беспорядки в движении на график, продолжает быть заключенным в Аралическом концлагере.

Я была в Москве, но не могла попасть ни к Вам, ни к Сольцу, и просить за нас некому. Поэтому я отдала детей своей матери в Одессу, а сама уехала работать на Кузстрой, т<ак> к<ак> мне слишком тяжело, и муж и я никогда не думали, что ему придется нести имя вредителя, оба мы с ним работали, не щадя сил. Сейчас муж работает техником в Аралическом УПШ, наблюдает за погрузкой угля, так как вся работа трансп<ортного> отдела сводится к этому. Я работаю с 9 до 9 в жел<езно>дор<ожном> отделе Кузстроя, уехать отсюда в Москву к Вам я не могу и прошу Вас, ради моих детей и ради того, что мы всю жизнь с мужем не знали хорошей жизни, а работали без конца, как могли лучше, ради этого попросить о пересмотре дела. К Вам обращаются ежедневно сотни женщин с глазами, полными слез, и у меня нет достаточно слов, чтобы сказать Вам, как я прошу Вас помочь. Ни я, ни муж никогда не думали, что так кончатся наши надежды работать вместе, как вместе учились, видеть своих детей и, главное, за что я не знаю.

Мужа моего отец был учителем, членом земства, земским начальником, умер, когда мужу было 6 лет, он его не помнит. Мать его вышла замуж вторично за врача психиатра в 1914 г<оду>, уехала с ним на войну, оставив в Перми на квартире и мужа, и его младшего брата. До 1917 г<ода> присылала деньги, а с 1917 г<ода> дети остались предоставленными сами себе, мужу не было еще 17 лет, брату 14. Чтобы прокормить себя и брата, болевшего туберкулезом кости, муж пошел на ж<елезную> д<орогу> сначала смазчиком, потом кочегаром и пом<ощником> машиниста. Накануне прихода белых в Пермь туберкулез у брата обострился и через день после прихода белых в Пермь он умер от туберкулеза позвоночника. Муж не имел жестокости бросить его и отстал от своих бригад. Его мобилизовали, как имевшего среднее образование, через 2 недели ранили в челюсть. Он был в лазарете 4 месяца, после чего его послали в школу прапорщиков, но он скоро перебежал к красным на свой паровоз и не сходил с него всю войну с Колчаком и Польшей до 1922 г<ода>, когда сам заболел тbc и был переведен на южную дорогу уже стрелочником на разъезд Бортничихи, где работал еще 3 года стрелочником, пока не попал учиться, точнее его послали, как проф<союзного> активиста чуть ли не силою. Вот вся его жизнь, и мне его так жаль, когда я вспоминаю всю его жизнь, у меня хоть было детство счастливое, мама, отец, а у него никого, и все его счастье те годы, что мы вместе учились, да наши Катя и Котя — дети. И я не могла оставить его одного в Сибири и, хотя почти никогда не удается повидать его толком, не могу уехать отсюда. Задумайтесь, что могло побудить моего мужа стать на путь вредительства, отец, которого он не знал? Случайная мобилизация и 2-х недельное пребывание в качестве нижнего чина в армии Колчака, из которой он бежал?

О Вашем большом сердце я слышала много раз, от сотен женщин, которым Вы помогли, почему я прошу Вас пожалеть нас с мужем и помочь нам.

Е. Макаренко.

Фамилия мужа Фролов Сергей Александрович, арестован 27 декабря 1930 г<ода>. Приговор от 8 августа 1931 г<ода>.

Приговорен Комиссией ОГПУ к заключению на 5 лет, концлагерь Мариинск по обвинению в преступлении, предусмотренном ст<атье> 58-7 УК по делу группы работников Елецкого района Юго-Вост<очной> жел<езной> дороги. Точно как называется дело, я не знаю, там было 5 человек.

Смирнов

Лейвин (освоб<ожден>)

Фролов

Иттенберг (освоб<ржден>)

Климов говорит, что освобожден.

У Вас муж зарегистрирован, так как я была, но только Вас не могла увидеть.

Адрес мой: Н<овый> Кузнецк, Кузстрой, Верхняя Колония, Пост № 2, К<онто>ра движения, экономисту Макаренко-Фроловой»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 165-171. Автограф.